

Загадки старого Мангита

Старые названия нижегородских сёл иногда при их «расшифровке» преподносят такие сюрпризы, от которых не перестаешь удивляться. К примеру, село Коврово (Чкаловского сельсовета) раньше называлось Мангит. Чтобы объяснить его название, мне пришлось обратиться к древнерусским рукописям, в частности, к истории казанского царства, где записано: «И приидоша Ногай, прежде реченные мангиты». Мангитами назывались самые жестокие воины Золотой орды, которые под предводительством хана Ногая с 1270 по 1300 годы навели ужас на Русь, Византию, Болгарию, Венгрию, Польшу. Именно в честь этого хана мангиты стали называть себя ногайцами, впоследствии создали Ногайскую орду, которая контролировала территорию от Иртыша до Дуная. На этом огромном пространстве, называемом Великой степью, вели кочевой образ жизни в кибитках и юртах миллионы мангитов (ногайцев). Но как попали они в Крым? Почему именно в Присивашье, а не где-нибудь в горном Крыму находилось селение с «ногайским» названием?

Совершим небольшой экскурс в историю Ногайской орды и вообще мангитов. По форме черепа и физическому строению это были переходные племена от монголоидной к европеоидной расе, общались на ногайско-кипчакском языке, относящемся к тюркской группе языков. Вели исключительно кочевой образ жизни вплоть до 19-го века, поэтому ученые называют их последними кочевниками Великой степи. Этот народ прошел путь от властелина огромных территорий до положения изгнанника. Страшная беда обрушилась на ногайцев зимой 1558 года, когда от голода и мора умерло более 100 тысяч степняков. К тому же с Востока их стали постоянно атаковать более сплоченные калмыки и в 1634 году калмыки уничтожили около 100 тысяч ногайцев, которые вели между собой жестокие междоусобные войны. Спасаясь от калмыков, ногайцы с боем прорываются через казацкий Дон на Кубань и просят покровительства у крымского хана. В 1726 году крымский хан разрешил ногайским кибиткам проехать в Крым, потому что ему нужны были крепкие и выносливые воины для совершения набегов на Украину и Россию. В 1781 году ставропольские ногайцы восстали против колониальной политики России и были наголову разгромлены русской армией под руководством Александра Суворова, через два года после его начала. В этой битве погибло опять не менее 100 тысяч ногайцев, как утверждают очевидцы. Часть спасшихся ногайцев переправляется через Керченский пролив в Крым. Здесь им разрешают поселиться только в трех степных уездах с условием ведения оседлого образа жизни. По всей вероятности именно в 18-м веке возникло поселение мангитов-ногайцев в Присивашье, на месте нынешнего Коврово. Но куда же они исчезли?

После Крымской войны 1853-1856 годов ногайцы были обвинены в симпатиях к Турции, а в 1860 году последовало массовое переселение ногайцев из Ставрополя и Тавриды в Турцию. Ну, а в 1944 году последовала

печально знаменитая депортация мангитов, ставших частью крымскотатарского народа. Сегодня ногайцы компактно проживают в трех районах Ставропольского и Краснодарского края.

Вот о чем рассказало старое название села Коврово. А какова судьба этого села в 20-м веке?

По переписи населения 1805 года в селе Мангит Перекопского уезда насчитывалось 110 крымских татар и 10 цыган. Но через сто лет в «Памятной книге Таврической губернии» читаем: здесь проживают 2 человека в одном дворе. Это и есть результат эмиграции крымских татар в Турцию. Но в конце века проводится земская реформа, затем началась знаменитая Столыпинская реформа, когда крестьянам разрешили выходить на отруба, то есть создавать свои хутора. И вот на развалинах ногайского Мангита начали появляться новые дома из самана (колыба). Село разрасталось с такой скоростью, что уже после гражданской войны становится административным центром в округе. Правда, этот район Присивашья несколько раз переходил из района в район. После гражданской войны он подчинялся Джанкою, затем вошел в состав Колайского (Азовского) района. После ликвидации Азовского района сёла этого региона опять возвращаются в Джанкойский район и только с 1 января 1965 года Присивашье входит в состав Нижнегорья.

Но самое интересное то, что центром этого региона оставался Мангитский, а затем Ковровский сельсовет. Ему подчинялись и Пшеничное, и Чкалово. И без малого три десятка лет избирали присивашцы главой местной власти фронтовика, умного и доброго человека — Василия Васильевича Ермоленко.

Родом он из Емельяновки, но после окончания зоотехнического училища до войны его направляют работать в Мангит, где он возглавляет коллектив молочно-товарной фермы. Ферма была образцово-показательной, её коллектив два раза ездил в Москву на ВДНХ. Вместе с ним бригадирами трудились Тимофей Стаценко (конеферма), Михаил Корбань (полеводство), Николай Цапко (табаководство), Ампар Еремянец (огород). Последний из названных бригадиров провёл на войну, как говорят старожилы, пятерых сыновей. Но в 1944 году, во время сталинской депортации, его все равно выслали из Крыма, и с тех пор огородничество в Присивашье стало угасать. А воды для полива в то время было предостаточно: вокруг Коврово и до сей поры изливаются четыре артезианские скважины. Однако в то время, еще при помещике, по обеим сторонам села были вырыты пруды, а от них шли трубы на огород и фермы. На старых дореволюционных картах эти пруды отмечены на местности. В наше время воды стало не меньше, а больше с приходом сюда Днепра, но огородничество никто уже не может возродить, как и знаменитые ковровские фермы — нет той организации и энтузиазма.

Мне удалось разыскать дочь легендарного фронтовика и главы сельсовета — Светлану Васильевну Трещеву, которая ныне живет в Чкалово. И каковы же были моё удивление и радость, когда она достала из шкафа старую, потрепанную тетрадку с поржавевшими от времени скрепками — своеобразный дневник главы сельсовета, которому как минимум полвека. В

нём есть, к примеру, такие уникальные записи: «Всего учащихся на 1 сентября 1964 года: в Любимовской школе — 186, в Луговской — 185, в Пшеничненской — 32, в Сливянской — 24, в Великосельской — 40, в Чкаловской — 45». Всего лишь полвека назад центральными сёлами в Присивашье, как видно, были Любимовка и Луговое, а не Пшеничное и Чкалово, как сегодня. Поэтому неудивительно, что именно между Любимовкой и Луговым находился Ковровский сельсовет, чтобы никому не было обидно.

В этой же тетради я нашёл незнакомое нынешнему поколению селян слово — самообложение, которое было введено 82 года назад, в 1931 году. Это добровольно-принудительный сбор средств для общественных нужд, установленный местным советом. Размер самообложения за 1965 год был в Ковровском сельсовете — 1572 рубля. Использовались эти деньги на ремонт местных школ, клубов, фельдшерских пунктов, библиотек, благоустройство улиц, прокладку водопроводов, обустройство кладбищ. И сегодня существует самообложение в виде сбора средств на прокладку водопроводов или газопроводов.

Но самое ценное в дневнике В. В. Ермоленко — история некоторых присивашских сел.

В дневнике В. В. Ермоленко о Коврово сказано: Мангит заселен в 1906 году переселенцами из запорожского села Большой Токмак, среди которых были Митрофан Чубарь, Моисей Кудин, Алексей Коломиец, Иван Заиченко, Пантелей Гринь, Иван Кудин, Василий Гринь, Алексей Заиченко. Они купили участки земли у графа, помещика Кнезевича. Это были трудолюбивые люди, выращивали хлеб, овощи, разводили скот. В 1924 году Ливко Гринь с сыном купили трактор «Фордзон», а земли давала Советская власть столько, сколько могли обработать. К 1930 году многие селяне стали зажиточными, некоторые использовали труд батраков.

В 1931 году началась коллективизация, и в селе Манкут (ныне Луговое) был создан колхоз «Искра». Первым его председателем стал так называемый 25-тысячник, коммунист Николай Васильевич Саховой из Симферополя. В состав колхоза вошли жители трех деревень — нынешних Лугового, Коврово и Степановки. Колхоз имел 45 лошадей, 25 коров, 5 сенокосилок, 10 плугов, 8 сеялок, 10 мажар, 15 бричек, 4 тачанки. В 1932 году колхоз «Искра» объединили с колхозом «Буденный» и дали общее название «Искра Буденного», а возглавил его Николай Саховой. Председателями сельсоветов были Афанасий Харитонович Маслов (1928-1931), Галина Титаренко (1933-1941), председателями колхоза «Искра Буденного» — М. С. Костюченко, Григорий Субтильный (до войны и после войны, до 1953 года), затем колхоз стал носить имя Жданова — его возглавляли Николай Телегин, Виктор Завьялов, Иван Иванча. В 60-е годы колхоз стал совхозом.

Всему написанному можно верить безоговорочно, поскольку В. В. Ермоленко в 1931 году было 20 лет, он уже был бригадиром фермы, знал в лицо всех, о ком написал. В 30 лет он ушел на войну, боевое крещение получил под Запорожьем в составе зенитного полка, участвовал в обороне

Крыма, Новороссийска. Однажды с боевыми товарищами затащил пушку на скалу и оттуда открыл огонь по немецким самолетам, сбив два из них. Участвовал в Керченско-Феодосийском десанте и чудом спасся после провала этой непродуманной операции. В 1943 году опять высадился вместе со штурмовыми частями на плацдарм в районе Керчи, затем в 1944 году освободил Крым и штурмовал Сапун-гору под Севастополем, был тяжело ранен. После госпиталя вернулся в свою артиллерийскую противотанковую часть и с боями прошел Румынию, Венгрию, Чехословакию, уничтожив лично не один десяток фашистских танков. О его боевом пути хорошо знают юные краеведы из Чкалово, написали о фронтовике очерк. Его парадный китель с орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу» хранился в местном музее, пока его... не обворовали.

Василий Еременко хоть и был тяжело ранен, но вернулся домой, в родное Присивашье. А от его сверстников остались только скупые строки в Книге Памяти и на обелиске.

И только одна женщина до сих пор живет в Присивашье, которая обнимала своего любимого, провожала на войну, а через два месяца получила горькую похоронку. И я нашел ее, солдатскую вдову рядового Александра Сытника, бывшего агронома из Коврово, имя которого застыло на обелиске. Из уст этой женщины я и услышал горькую историю о том страшном и безжалостном времени.

Меланья Рак вышла замуж за красивого, веселого агронома и переехала в Коврово в 1940 году. Работала в колхозе на ферме, была прекрасной хозяйкой в доме, мечтала о детях, но все планы перечеркнула война. Александра забрали на фронт, и вскоре пришла на него скорбная похоронка. Сколько слез выплакала над ней Меланья — уже и не помнит. А тут и немцы пришли в Крым. Первое, что они сделали — расстреляли коммунистов и евреев. И Меланья стала невольным свидетелем, как схватили, а потом расстреляли семью местного учителя. И кроме нее сегодня никто не знает об этом. Но только фамилию учителя она никак не вспомнит.

—Учитель приходил в наш дом, иногда пил чай, занимался с детьми, потому что школа уже не работала. И однажды среди бела дня прямо к порогу нашего дома подъехала машина с фашистами, они ворвались в дом и прокричали: «Кто тут юде?». Учитель поставил чашку с недопитым чаем и молча поднялся. Они повели его к ямам за селом, чтобы тут же расстрелять, но моя свекровь умоляла их не делать этого. Тогда жандармы погрузили его в машину, подъехали к дому учителя, посадили в машину его жену и троих детей. Потом я слышала, что их расстреляли по дороге в Сейтлер, но где именно, я не знаю.

Исходя из безусловно правдивого рассказа женщины, где-то у дороги из поселка в Коврово находится безымянная могила двоих учителей и троих их детей. Как свидетельствуют факты, фашисты в Крыму не оставили в живых ни одного схваченного ими еврея, невзирая на возраст. Но плохо то, что невинные жертвы — семья учителей из Коврово — до сих пор остаются безымянными. Возможно, юным краеведам из Чкаловской школы, если

постараться, удастся восстановить хотя бы фамилию учителя из Коврово. Я думаю, что принцип «никто не забыт, ничто не забыто» распространяется и на жертвы фашизма.

А Меланья Никифоровна Рак сегодня живет на окраине Любимовки, за ней ухаживает заботливая социальный работник Наталья. В день моего визита к одинокой старушке она мазала глиной ее старенький дом. Старушка показала мне фотографию 1944 года, где она, молодая и красивая, стоит возле трактора, на котором проработала более пяти лет после окончания курсов трактористов в Чкаловской МТС. Пахала поля нынешних КСП «Таврия» и КФХ «Сиваш». Пользуясь моим присутствием, обратилась с просьбой: «Вы бы похлопотали, чтобы мне дров на зиму привезли...». Я думаю, что просьба участницы Великой Отечественной войны, солдатской вдовы и первой трактористки Присивашья будет услышана.

В поле возле трактора ее и застала весть о Победе. «Остановились пообедать, вдруг видим — к нам верховой на лошади скачет и кричит что-то. И только, когда подъехал поближе, разобрали лишь одно слово: «Победа!!!». От радости все мы заплакали...», — вспоминает Меланья Никифоровна. Ей уже за девяносто, а этот миг запомнился на всю жизнь.

В 70-е годы административные центры Присивашья переместились в Чкалово и Пшеничное, а Коврово стало отделенческим селом. Люди работали на фермах и на рисовых чеках. Добрую память о себе оставил чабан, впоследствии строитель, орденоносец Григорий Петрович Карпань — потомок первых поселенцев села. А о Петре Лапенко напоминает огромный дуб, который пережил посадившего дерево человека. В селе нет проблем с водой, пока не иссякли артезианские скважины, но нет магазина. Раньше здесь находился знаменитый на всю округу райповский магазин, сюда ходили за покупками из Лугового. Теперь наоборот: ковровцы ходят в магазин в Луговое. В селе всего лишь один человек работает на рисе, один — почтальоном. Живет здесь многодетная семья Капитолины Кряжевой — у нее полный двор внуков. Здесь раздолье гусям, которые купаются в непросыхающих лужах — вода-то дармовая. А вот зимой в этих краях — настоящая Сибирь.

— Прошлой зимой замело нас чуть ли не по самые крыши. Ходили к дороге по тоннелям из снега. А когда снег слежался и потом еще подморозило — так не поверите: молоковоз ездил по сугробам и не проваливался! Некоторые снег прямо пилой пилили, как брикеты, — рассказывает жительница села, в прошлом бригадир животноводов Екатерина Михальчук.

О ногайцах сегодня в селе никто ничего не знает. Но один местный житель все же рассказал: «Когда я жил в Советском районе, то скот пасли ногайцы. Они очень сильные умельцы по части скота, настоящие скотоводы. Да они больше ничем и не занимаются...».

Собственно, и в наши дни жителей старого Мангита выручают коровы да овцы, гуси да куры. Уже собирают селяне деньги на природный газ, а сегодня покупают баллонный. Чтобы выжить в Коврово, надо неустанно

трудиться, что, собственно, и делали степняки многих поколений. Степь не любит ленивых и беззаботных.

Олег ТИМШИН.